
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-46-53

АКАДЕМИК А.М. ШЁГРЕН И ШОРА НОГМОВ: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Алиева Алла Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора фольклористики Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, matilda19@mail.ru

В статье воссоздана история дружбы и сотрудничества двух замечательных людей, чья деятельность в разной степени связана с истоками истории культуры и просветительства на Кавказе. Один из них это природный кавказец, кабардинец Шора Ногмов – первый адыгский ученый и просветитель, создатель первого кабардинского алфавита, первой грамматики адыгского (кабардино-черкесского) языка, автор знаменитой «Истории адыгейского народа...», опубликованной уже во второй половине XIX века и на русском языке, и в переводе на немецкий. Второй – финн на русской службе, Андрей Михайлович Шёгрэн (Sjögren Johann Andreas), академически образованный ученый – филолог, член Императорской Российской академии наук по историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов России), многие годы работавший в Санкт-Петербурге и живо интересовавшийся языками и культурой народов Кавказа.

Статья основана на письмах Шоры Ногмова и дневниковых записях А.М. Шёгрена, оригиналы которых обнаружены автором в рукописных хранилищах Финляндии, в г. Хельсинки, а также архивах Санкт-Петербурга. Автор статьи – первый российский кавказовед, работавший с материалами Архива Шёгрена в г. Хельсинки.

Ключевые слова: Ногма, Шегрен, Грамматика, История атыгейского народа, Российская академия наук, Хельсинки.

Жизненный путь, судьба и научное наследие первого адыгского ученого и просветителя Шоры Бекмурзовича Ногмова (1796–1844) изучена так подробно, что библиография изданий «Истории атыгейского народа...» и работ, посвященных этому труду и его автору, могут составить объемистую книгу.

Г.Ф. Турчанинов, скрупулезно исследовавший научное наследие и А.М. Шёгрена, и Ш. Ногмова, воссоздал также историю дружбы и сотрудничества этих двух славных представителей российской науки первой половины XIX века. Но этому описанию явно не хватало документальной основы.

Совершенно неожиданно ее обнаружила автор этой статьи, работавшая не только в трех петербургских архивах, где хранятся материалы архива А.М. Шёгрена (Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Институте восточных рукописей РАН, Центральном Государственном историческом архиве), но и – первой из российских кавказоведом – в двух архивах в г. Хельсинки в Финляндии – в Литературном архиве Финского Литературного общества и в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии. В Архиве Финского Литературного общества хранится «Дневник» А.М. Шёгрена – с сентября 1835 до января 1838 г., в котором день за днем описан весь ход его экспедиции на Кавказ и в Крым; во втором хранятся письма Шоры Ногмова, адресованные А.М. Шёгрёну.

Документы, хранящиеся в архивах г. Хельсинки, и составили документальную основу данной статьи.

А.М. Шёгрэн подробно рассказал в своем кавказском «Дневнике» историю знакомства и сотрудничества с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым). Он узнал о Шоре в Тифлисе 26 октября 1835 г. в доме князя А. Шаховского; вскоре с ним познакомился, и началось их сотрудничество, продолжавшееся до самой кончины великого кабардинца.

Отправившись на лечение в Пятигорск в феврале 1837 г., А.М. Шёгрэн решил воспользоваться близостью черкесских поселений, «чтобы узнать что-нибудь черкесское у крещеных черкесов, живущих среди колонистов» в шотландской колонии Карас (ныне пос. Иноземцево, пригород Пятигорска. – А.А.) [Дневник. 21 февраля 1837]. Сначала Шёгрэн «заключил договор с крещеным черкесом, который, как сказали, «самый знающий из всех» [Там же], а 22 февраля он решил разыскать Шору Ногмова и встретиться с ним: «...я написал письмо черкесскому узденю Шоре Бек-Мурзину, с которым я познакомился в Тифлисе, – он живет в 35 верстах отсюда – и пригласил его приехать в Карас, чтобы обучить меня черкесскому языку».

В фонде А.М. Шёгрэна в Национальной библиотеке Финляндии [Coll. 209.19] сохранился ответ Ногмова на это письмо — он обещал приехать к академику уже на следующий день.

27 февраля 1837 г. «к великой <...> радости» А.М. Шёгрэна, Ногмов прибыл. Ученый подробно зафиксировал в своем дневнике все этапы их совместной работы. Так, запись свидетельствует, что 28 февраля 1837 г. было принято «решение о переезде Шоры сюда, так как хозяин обещал за ту же цену снабжать его едой вместе со мной».

2 марта Ш. Ногмов переехал жить на квартиру Шёгрэна, где пробыл до 12 марта, и ученый «...успел закончить выписки из рукописи Ногмы» (из его «Атыхейской грамматики». – А.А.) (Дневник. 12 марта 1837). Следующая встреча Шёгрэна с Ногмовым состоялась в сентябре 1837 г. и продолжалась всего 3 дня. Эти занятия А.М. Шёгрэн подробно описал не только в своем дневнике, но и в письме к академику Х.Д. Френу, отправленном из Владикавказа 19 апреля 1837 г., в котором он не только воссоздал историю своего знакомства с Ногмовым, но и рассказал о его работе над кабардинской грамматикой, подчеркнув, «...что автор ее достоин всяческого уважения. Поражает уже сам факт, – писал А.М. Шёгрэн, – что ему пришла в голову идея создать подобный труд, что же говорить о том, что ему хватило мужества и упорства довести начатое дело до конца, тем более что русским языком он владеет весьма посредственно и это единственный европейский язык, который он знает. В нескольких восточных языках – в турецком, в татарском и арабском, он, напротив, весьма сведущ; на основе арабского он составил свой новый черкесский алфавит...».

А.М. Шёгрэн очень подробно характеризовал в этом письме особенности фонетики кабардинского языка, очень точно подметив, что «...уже внешняя сторона языка служит демонстрацией его бойцовского духа, страстей, желаний во что бы то ни стало, любой ценой победить трудности, которые, как кажется, он создает сам себе словно для того, чтобы поддерживать прекрасную форму в постоянных упражнениях и не дать ей разнежиться и одряхлеть». <...> Язык уже представлял бы достаточно большой интерес с точки зрения своего грамматического строя, если бы не пугающие трудности произношения, весьма осложняющие подход к нему».

Удивительно, что, еще не ознакомившись с сочинением Ногмова «История адыгейского народа, А.М. Шёгрэн уже по его рассказам попытался понять суть народной поэзии адыгов: «...язык этот (кабардинский. – А.А.) издавна находится в употреблении, и сегодня используется каждый день как в ежедневном обиходе, так и в поэзии. Возможно, у этого народа нет ни одного вождя, известного

в истории, о котором не было бы сложено хотя бы одной песни. В древние времена поэты должны были присутствовать на поле боя, где их песнопения вдохновляли воинов. Этот обычай, как кажется, напоминает традиции древних скандинавов, что, впрочем, является далеко не единственным замеченным мною сходством между этими народами, пусть не в языке. Этого рода песнопения по сей день широко <распространены> среди черкесов. Ногма сам является страстным поэтом; так, все время, что он провел в моем доме, он в основном занимался поэзией как собственного сочинения, так и переводами, которые он делал с русского. Их песни очень оригинальны и характерны. Как и песни татарских народов, они большей частью меланхоличны и однообразны, с той лишь разницей, однако, что у черкесов голос неожиданно с силой поднимается на последнем стихе или на припеве. К сожалению, у меня было недостаточно времени для того, чтобы получить полное представление ни об интимном характере черкесской поэзии, ни о ее тематике, ни о ее формах, поскольку я полностью посвятил себя изучению грамматики, так как <...> я хотел завершить ее изучение».

Говоря о стремлении Шоры Ногмова поскорее вернуться домой, Шёгрэн как бы мимоходом характеризует один из адыгских обычаев в отношениях мужа и жены: «Я стремился отправить своего гостя назад, к его соплеменникам, поскольку Шора все чаще и настойчивее получал приветы от своей маленькой дочки. Таков их обычай. Чужой не имеет права передавать приветы от женщины, если он не хочет оскорбить своего земляка и доставить себе неприятности. Причина этого – в жизненном укладе особого рода по восточным законам, по которым чужой мужчина не имеет права видеть женщину в доме. «Какая тирания и варварство!» – воскликнут наши европейские дамы. Другое дело – черкешенки, которые родились и выросли, соблюдая эти законы. Черкешенка сама почувствует себя оскорбленной, вздумай ее муж предложить ей прогулку на людях. Подобный образ мыслей не допускает и считает позорным передать кому-то привет от жены. Точно также будет сочтено за оскорбление справиться о жене другого; разве может это касаться кого-то, кроме мужа! Кроме того, кажется, что мужчины вообще считают постыдным вести друг с другом разговоры о женщинах».

Итак, во время кавказской экспедиции А.М. Шёгрэн занялся изучением еще и «незапланированного» кабардинского (черкесского) языка. Случайная встреча с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым) и с его «Грамматикой» позволила ему сначала познакомиться с этим удивительным языком, приступить к его изучению, а затем и помогать пытливому кабардинцу, мечтавшему о приобщении к грамоте своего народа, в совершенствовании его труда.

Основательным анализом труда Ногмова Шёгрэну предстояло заняться после завершения его кавказской экспедиции и возвращения в Петербург.

Действительно, переписка А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым возобновилась сразу после отъезда академика в Петербург. Из письма Ногмова Шёгрэну от 6 июня 1838 г. мы узнаем, что он отправил свою «Грамматику» командующему Отдельным Кавказским корпусом барону Г.В. Розену и ему не известна ее дальнейшая судьба, что Шёгрэн говорил об этом сочинении Ногмова с президентом Академии наук и министром народного просвещения графом С.С. Уваровым и Ногмов надеется на его помощь, и главное, что Шёгрэн дал ему ряд советов по доработке «Грамматики» и он пытается их реализовать: «По советованиям Вашим я уже постараюсь прибавлять к “Грамматике” словосочинение или синтаксис практического употребления, также и словарь, отдельным образом с разговором; <...> я полагаю, что <...> “Грамматика” самой лучшей будет, потому что всю снова рассматривал, только в русском языке я не так сильный».

Ш.Б. Ногмов, несмотря на чрезвычайную загруженность – он теперь исполнял должность секретаря Временного суда в Нальчике, продолжал работу над своим трудом, и уже 2 января 1839 г. писал Шёгрэну: «...относительно трудов моих

уведомляю, что “Грамматика” мною окончена, исправлена и дополнена и теперь до самых глаголов вовсе не та, что была прежде; вскоре она будет отправлена к Вам».

И эта огромная работа была выполнена в кратчайшие сроки, хотя Ногмов продолжал служить во Временном суде и одновременно с «Грамматикой» им было составлено «Историческое описание атихейского народа от древних времен», – сообщал Ногмов в том же письме от 5 июня 1840 г. Далее следует «Оглавление» «Исторического описания атихейского народа» – труда, который Шёгрэн сможет прочитать и сделать из него выписки только в 1845 г. по посмертным бумагам своего кавказского коллеги.

Видимо, в ответе на это письмо Ш.Б. Ногмова А.М. Шёгрэн выразил готовность ознакомиться с доработанной рукописью «Атихейской грамматики» и вскоре получил письмо Ш. Ногмова от 5 июля 1841 г.: «Благодарю Вас за снисходительное внимание, с которым Вы беретесь разобрать мою “Грамматику”. И в этом случае совершенно полагаюсь на Ваше благоусмотрение, на милостивое расположение, которое Вы изъясняете в Ваших письмах, и не ищю никакой награды. Единственное мое желание состоит в том, чтобы содействовать к образованности моих <нрзб.> и обратить внимание высшего начальства на труды человека мало ученого, но горящего ревностью к просвещению и сближению с российской державой своего народа.

Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единоземцев, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу».

Отослав рукопись «Атихейской грамматики» своему наставнику 19 июля 1840 г., Ш.Б. Ногмов отправил ему письмо, в котором описал, как возник у него замысел этого труда: «Узнав в нашем эскадроне от штаб-ротмистра Туганова о предписании 1830 года господина графа Бенкендорфа, нашего благодетеля, коим предложено было о составлении “Черкесской грамматики”, что и побудило меня ревностно заниматься составлением “Грамматики”. И когда справитесь, то постарайтесь чрез господина Министра Уварова довести до сведения его сиятельства графа Бенкендорфа о моем сочинении».

Представляя доработанный вариант своей «Грамматики» А.М. Шёгрэну, Ш.Б. Ногмов надеялся на получение за нее награды: «Я Вас покорнейше прошу представить труд мой господину Министру Уварову, и независимо <к> Демидовской премии, просить его о исходатайствовании мне в поощрении прочим с Монаршей наградой», и даже доверял академику хлопоты о ее оформлении, как и о возможной публикации его «Грамматики»: «Доброе Ваше расположение заставляет меня надеяться на то, что просьба моя не будет Вами оставлена, и Вы, как и прежде уверяли меня, будете во всем стараться по возможности. Посылаю при сем к Вам один лист бумаги за моей подписью. Может быть, Вам нужно будет для представления в Академию – то, что нужно, на нем напишете. Что же касается до напечатания “Грамматики”, то я очень прошу у Вас совета. Я в сем деле не сведущ, и уверен, что Вы мне напишете, как лучше».

А.М. Шёгрэн внимательно изучил новый вариант «Грамматики» Ш.Б. Ногмова, о чем свидетельствуют его конспекты этого сочинения и выписки из него, хранящиеся в филиале АРАН [Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 193; Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 268. С. 1–27 об.].

В контексте характеристики сотрудничества А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым особый интерес представляют его «Примечания» – рецензия на «Грамматику» Ногмова, содержащая ряд серьезных замечаний. Целесообразно процитировать письма Ш.Б. Ногмова к А.М. Шёгрэну от 26 сентября 1841 г., свидетельствующее о том, что Ногмов с пониманием воспринял критические замечания своего

наставника: «Получив Ваше письмо, от 10 минувшего августа писанное, с возвращением моей рукописи и с приложением собственной Вашей записки, на которое уведомить честь имею: найденные Вами в моем сочинении ошибки весьма основательны. Следовательно, я и не смею быть в претензии за сделанные Вами мне замечания, но, напротив того, приношу Вам искреннюю мою благодарность за пожертвование двухмесячного времени на исправление ошибок и недостатков <э>того сочинения. Это я принимаю знаком истинного Вашего ко мне благорасположения; будьте уверены, что я потщусь к оправданию оною».

Здесь же Ш.Б. Ногмов объяснил недостатки своей «Грамматики» несколькими обстоятельствами: «Теперь позвольте сказать Вам откровенно: не имея никакого совершенно воспитания, да и к тому же не владея хорошо русским языком, как бы я не руководствовался рекомендованною Вами переделкою, но мог ли обойтись без ошибок.

Дикая необразованная наша сторона, в которой я жительствую, отнюдь не могла бы препятствовать к усовершенствованию умственного развития. Если бы я имел некоторое образование, к тому же не был бы занят другими народными делами, от коих по обязанности моей отказаться не смею, что и не дозволило мне отъехать для рассмотрения напред такого моего сочинения на обращение внимания на главнейшие его несовершенства сведующего человека. Кроме того, побуждаем будучи высшим начальством о скорейшем представлении в корпусный штаб моего сочинения, содержавшего в себе предания и песни кабардинского народа, вынужден был отправиться в Тифлис, поручив мою рукопись писарю как для окончания, так и отправления к Вам, отчего произошли такие несо<o>бразности с настоящими правилами; ныне же я усугублю все мои способности к исправлению всех ошибок и исключу не понравившиеся Вам буквы, и в генваре будущего 1842 года представлю к Вам».

Вероятно, Ш.Б. Ногмов надеялся, что А.М. Шёгрэн не просто ознакомится с новым вариантом «Грамматики», но и подготовит ее к публикации и будет ходатайствовать о представлении его труда к Демидовской премии: «По получении которой Вы примете на себя труд пересмотреть оную, и если и затем найдете какие-либо ошибки, то, исправив таковые, представьте в Академию для напечатания от имени моего и выпущения в свет, ибо я – если потружусь при немалых моих занятиях, то это не для корысти, но единственно для пользы моих соотечественников; следовательно, с Демидовскою наградою, которая по существующему положению следует мне, я предоставляю Вам ведаться там по усмотрению Вашему, как я уже писал Вам и прежде».

В 1841 г. переписка Ш.Б. Ногмова с А.М. Шёгреном прекратилась – во всяком случае никаких ее следов в архивах академика не обнаружено. Имя Ногмова возникает в его рукописных материалах только после 10 июня 1844 г., когда первый кабардинский просветитель скончался в Петербурге, будучи прикомандированным к Кавказско-Горскому полуэскадрону для доработки своих ученых сочинений и их возможной публикации.

В Центральном государственном историческом архиве в Петербурге сохранились «бумаги, оставшиеся после смерти Шора Бек-Мурзина»; они находятся в двух фондах: [Ф.1268. Ед. хр. 478 и Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482].

В 2009 г., когда я работала в этом архиве, материалы Ф. 1268 находились на сканировании для Библиотеки им. Б.Н. Ельцина: доступными оказались только документы, составившие [Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482]. Это «Дело Канцелярии и Министра народного просвещения» – оно включает переписку военного министра с министром народного просвещения и вице-президентом Академии наук.

Особый интерес в этом фонде представляет «копия с донесения экстраординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шёгрена о рукописях, найденных по смерти кабардинского узденя штаб-капитана Шора-Бек Мурзина», подготовленного по поручению вице-президента Академии наук князя Дондукова.

«Г. Военный министр по Высочайшему повелению препроводил на рассмотрение Академии наук найденные по смерти бывшего кабардинского узденя, штаб-капитана Шора-Бек-Мурзина, составленные им с целью распространения в Кавказском и Закавказском краях: 1) “Граматику атихейского языка”; 2) “Предания черкесского народа” и сверх того разные черновые бумаги, к этим предметам относящиеся.

К сему г. Военный министр присовокупил, что, по отзыву местного начальника, распространение означенных сочинений может иметь полезное для нас влияние на умы тамошних жителей.

Оценка этих сочинений и бумаг в ученом отношении может быть сделана с надлежащею точностью собственно Вами потому, что Вы как ученый лингвист занимаетесь и наречиями Кавказа.

Посему, препровождая у сего упомянутые сочинения и бумаги при особой описи, я предлагаю Вам рассмотреть оные и представить мне обратно с Вашим мнением.

Вице-Президент Князь Дондуков».

Приведу важнейшие выводы рецензента. Прежде всего Шёгрэн дает высокую оценку личности первого просвещенного кабардинца: «Покойный штабс-капитан Шора Бек-Мурзин, при жизни мне лично известный, был человек по своей преданности Правительству и по чистой своей любви к просвещению достойный высшего уважения, тем более что он не только умел вполне ценить высокое преимущество просвещения пред грубым невежеством своих единоземцев, но и собственными неусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример доныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит, кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его “Предисловие” к “Грамматике атихейского языка”, живо отражающее пламенное стремление души его к просвещению и к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками многолетними неутомимыми трудами. По крайней мере я не без сердечного умиления мог прочитать это, сверх того и примерною скромностью отличающееся “Предисловие”, сожалея о жестокости судьбы, преждевременно прекратившего его жизнь...»

Строго и конструктивно рецензировавший в 1840 г. первый вариант «Граматики» Ш. Ногмова, в «Донесении» А.М. Шёгрэн чрезвычайно деликатно говорит о доработанном автором втором ее варианте: «Вследствие неожиданной кончины упомянутая его “Грамматика”, к сожалению, осталась в нынешнем виде, не достигши еще того совершенства, которое она могла бы получить, если бы судьба дозволила автору ее здесь в Петербурге обработать <...> это сочинение полезно только тому, кто умеет им критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка, существенно еще гораздо более различающегося от русского, нежели можно предполагать по одностороннему изложению покойного автора. Весьма естественно, что самая большая часть читателей книги, напечатанной в таком виде, мало или вовсе не будет пользоваться ею вышеозначенным критическим образом <...> а потому я и сомневаюсь в пользе отпечатания этой “Граматики”»

Иное заключение сделал А.М. Шёгрэн о другом сочинении Ногмова – «Предания черкесского народа»: «Другое дело с пространнейшею еще историческою рукописью под заглавием “Предания черкесского народа”. Есть, конечно, и в этой ощутительные недостатки и странные неосновательные соображения, естественные по степени образования покойного автора; но тут каждый предусмотрительный читатель сам легко увидит, в какой мере он может полагаться на сочинителя, и, не опасаясь быть введенным в заблуждение, снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений. И вот на каком основании эта рукопись и с пользою

может быть напечатана в каком-либо хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельной книгой и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь».

Далее А.М. Шёгрэн подробно охарактеризовал содержание 16 «Черновых тетрадей», позволяющих составить представление о процессе работы Ногмова и над «Грамматикой», и над «Преданиями черкесского народа».

Завершая «Донесение», А.М. Шёгрэн четко сформулировал предложение издать «Предания черкесского народа» и в приложении к ним – ряд материалов из рабочих тетрадей Ногмова «Что же касается другой рукописи под заглавием “Грамматика атихейского языка” со всеми прочими черновыми тетрадями, относящимися по большей части к той же “Грамматике”, то я долгом считаю представить на благоусмотрение Правительства, не угодно ли будет пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения».

А.М. Шёгрэн не просто рекомендовал издать «Предания черкесского народа», но и подготовил такое издание. Подтверждение тому – сохранившиеся в СПб. ФАРАН [Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. Caucasia 2. С. 215–236 об.] рукопись «Utdrag af Nogmas “Предания черкесского народа”» («Отрывки из “Преданий черкесского народа” Ногмова»), написанная рукою ученого на шведском языке, с цитатами из кабардинского фольклора на кабардинском языке и в русском переводе, и этот же текст, перебеленный рукою переписчика [Там же: 264–319 об.]. По какой-то причине А.М. Шёгрэн не издал ее, и только в 1861г. сочинение Ногмова было опубликовано сначала на русском языке, а затем в немецком переводе, и стало широко известно не только в России, но и в Европе.

Итак, сотрудничество А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым продолжалось с 1835 до 1841 г., которым датировано последнее письмо кабардинского корреспондента. Следует подчеркнуть, что это было действительно сотрудничество – доверительное и бескорыстное. По материалам Ногмова (в частности, по тщательно законспектированной рукописи первого варианта его «Грамматики») и с его помощью Шёгрэн изучил кабардинский язык.

Но А.М. Шёгрэн не только использовал работы Ногмова, но и пытался помочь ему их совершенствовать – прежде всего я имею в виду его рецензию на «Грамматику».

В то же время А.М. Шёгрэн чувствовал некоторое недоверие Ногмова к себе: в кавказском дневнике он подметил мнительность своего наставника в кабардинском языке и, возможно, упомянул о его недоверии в письмах к нему. Об этом мы узнали из письма Ногмова к Шёгрэну от 6 июня 1838 г. [ОР НБФ. Coll. 209. 19]: «...я ни в чем не сомневаюсь. Извините меня, что и прежде я напрасно сомневался, не зная о благих Ваших намерениях, за то я недоверчивый черкес есть, и что прошло, то прошло, я теперь Ваш слуга».

Вопрос о недоверии к Шёгрэну снова возникает в письме к нему Ногмова от 5 июня 1840 г.: «Что же касается до недоверия моего к Вам, то оно всегда было чуждо меня; доказательством сему может служить моя “Грамматика”, которую Вы скоро получите. Ибо если бы я не доверил Вам, то мог бы найти много средств отправить “Грамматику” через нынешнее начальство в Академию, но я надеюсь на Ваше слово.

Признаюсь Вам, что мне весьма было бы обидно, если бы Вы издали прежде меня взятую Вами копию с моей “Грамматики”, которая неправильна; ныне же я усовершенствовал <ее> введением европейских букв и исправил во всех неполнотах – однако я уверен, что Вы этого никогда бы не сделали и писали ко мне не с таким намерением».

И даже отправляя рукопись второго варианта «Грамматики», Ш.Б. Ногмов опять касается темы недоверия к нему: «Окончив, исправив и дополнив совершенно свою “Черкесскую грамматику” прибавлением “Синтаксиса” и “Словаря”, мне весьма приятно препроводить ее к Вам. Вы можете видеть, справедливо ли Ваше мнение о моем недоверии, о котором в письмах Ваших часто упоминается – я доказал Вам

свое доверие и, надеюсь искренно, что Вы будете мне способствовать столько, сколько будет возможно» [Письмо от 19 июля 1840 г. ОР НБФ. СоП. 209. 19].

А.М. Шёгрэн не просто принял к сведению опасения Ногмова, но и изменил свои планы, связанные с изучением кабардинского языка. Из его письма к президенту Академии наук графу С.С. Уварову мы узнали, что ученый задумал написать собственную грамматику черкесского языка (в XIX в. редко дифференцировали адыгские языки, определяя их собирательным термином «черкесские»): «...у меня была возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка – книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении».

Но поскольку «Грамматика» Ногмова не была опубликована, А.М. Шёгрэн отказался от замысла подготовить свою черкесскую (или кабардинскую) «Граматику», хотя изучил этот язык основательно, что позволяют утверждать хранящиеся в Петербурге вышеупомянутые материалы. Такое решение А.М. Шёгрэна – бесспорное свидетельство его уважения к воле Ш.Б. Ногмова.

Источники и литература

1. *ИВР* – Институт восточных рукописей. Российской академии наук. Санкт-петербургское отделение.
2. *ЛАФЛО* – Литературный архив Финского литературного общества. Хельсинки, Финляндия.
3. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды //исслед. подг. Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1956. 308 с.; Т. 2. Нальчик: Кабардино-Балкарское государственное книжное издательство, 1959. 200 с.
4. *ОРНБФ* – Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
5. *СПбФРАН* – Архив рукописей Российской академии наук. Санкт-петербургский филиал.

ACADEMICIAN A.M. SJÖGREN AND SHORA NOGMOV: HISTORY OF COOPERATION

Aliева Алла Ивановна, Doctor of Philology, chief researcher of folklore stuff of the Institute of World Literature named by A.M. Gorky of the Russian academy of sciences, matilda19@mail.ru

The article reconstructs the history of friendship and collaboration of two remarkable persons, whose activities are to varying degrees related to the origins of the history of culture and enlightenment in the Caucasus. One of them is a natural Caucasian, Kabardian Shora Nogmov – the first Adyghe scholar and enlightener, the creator of the first Kabardian alphabet, the first grammar of the Adyghe (Kabardino-Circassian) language, the author of the famous «History of the Atyhenian people ...» published already in the second half of the XIXth century and in Russian language, and translated into German. The second is a Finn in the Russian service, Andrei Mikhailovich Sjögren (Sjögren Johann Andreas). He is an academically educated scholar-philologist, the member of the Imperial Russian academy of sciences in the historical and philological department (philology and ethnography of the Finnish and Caucasian peoples of Russia). For many years he worked in St. Petersburg and was keenly interested in the languages and culture of the peoples of the Caucasus.

The article is based on the letters of Shora Nogmov and the diary entries of A.M. Sjögren. The originals of these letters were discovered by the author in the manuscript repositories of Finland, in Helsinki, as well as in the archives of St. Petersburg. The author of the article is the first Russian Caucasian scholar who worked with archive materials from the Sjögren archive in Helsinki.

Keywords: Nogma, Sjögren, Grammar, History of the Atyhenian people, Russian academy of Sciences, Helsinki.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-46-53